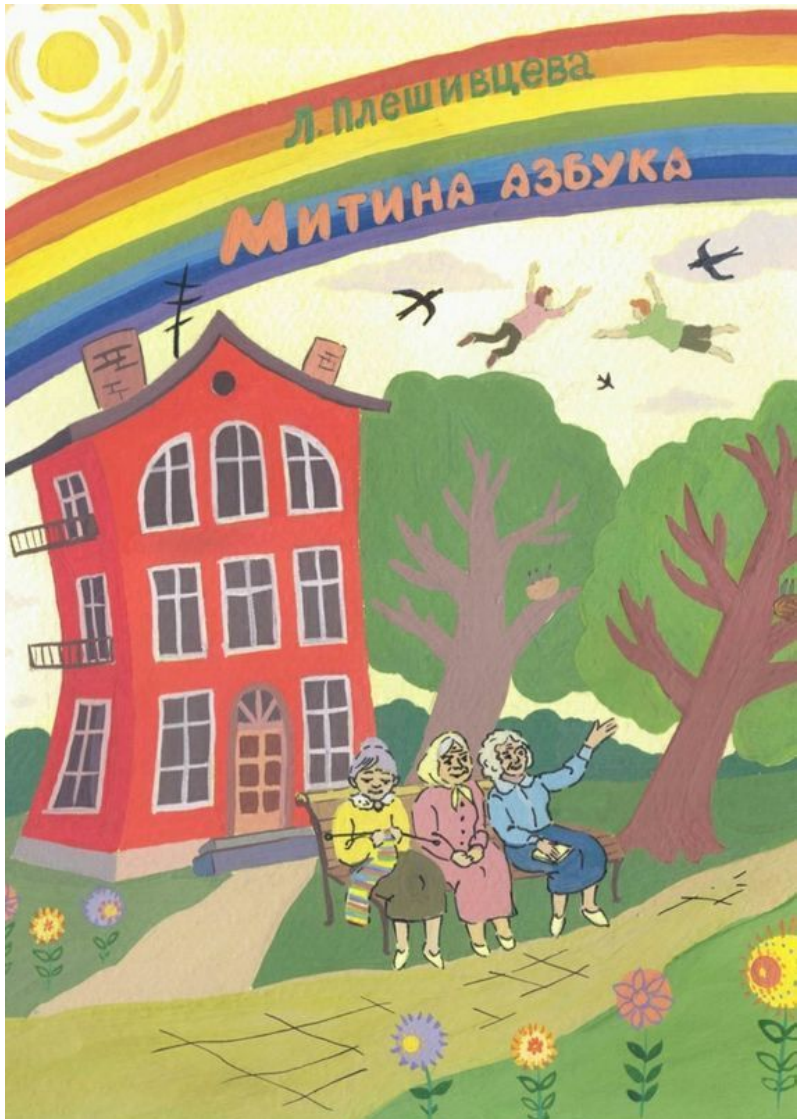

Л. Плешивцева

МИТИНА АЗБУКА

Людмила Плешивцева

Митина азбука

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24120521
ISBN 9785448516412*

Аннотация

Какой была славянская азбука, и что зашифровано в ней? Что такое благодать, кротость, грех, искренность, эгоизм? Зачем нужны фамилии? Почему надо уметь прощать? Почему «ум без разума – беда», а «юмор – от всех бед защита»? Ответы на эти и многие другие вопросы вы найдёте в книге, главными героями которой являются мальчик Митя и его мудрая бабушка. Во второй части рассказы о двухлетней Дашеньке, о том, как она учится понимать мир, своё место в нём, и как её близкие учатся вместе с ней.

Содержание

От автора	5
Митина азбука	6
Азь, буки, веди...	6
Благодать	12
Вера	16
Грех	21
Доброта	24
Единство	28
Жалость	32
Земля	40
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Митина азбука

Людмила Плешивцева

Иллюстратор Анна Николаевна Андреева

Дизайнер обложки Анна Николаевна Андреева

© Людмила Плешивцева, 2017

© Анна Николаевна Андреева, иллюстрации, 2017

© Анна Николаевна Андреева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4485-1641-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Дорогой друг! Я не знаю, кто ты: мальчик или девочка, а может, взрослый человек. Да это и неважно. Книга, которую ты держишь перед собой, адресована и детям, и взрослым. Мне хотелось бы, чтобы её читали родители вместе со своими детьми, бабушки и дедушки вместе со своими внуками, и не просто читали, а беседовали, общались, обсуждали прочитанное. А может, придумывали бы свои истории.

«Митина азбука» – это азбука нравственных понятий, которые я попыталась раскрыть в доступной форме. Начала писать книгу, когда узнала, что скоро стану бабушкой, закончила, когда на свет появилась моя внучка Варечка. Надеюсь, что нравственные категории, о которых идет речь в «Азбуке», станут основой той жизни, в которую вступает маленькими шажками моя Варюша. Ей я и посвящаю эту книгу.

Вторая часть книги, «О девочке Даше», – это записки бабушки о внучке, о том, как она растёт, как познаёт мир, о первых бедах и первых радостях маленького человека.

Митина азбука

Азь, буки, веди...

– Азь, буки, веди, – Митя на разные лады: то напевно, то шёпотом, то громко и торжественно – повторял понравившиеся слова. Это были даже не слова – буквы. Первые буквы славянской азбуки, по которой когда-то учились такие же мальчишки, как он. В те времена люди не знали ни телевизоров, ни компьютеров, да и книг ещё было мало. Зато существовала дивная азбука, с дивными буквицами. Так ласково называла их Митина бабушка.

У неё было очень много разных книг: с картинками и без, толстых и тонких. Внук как-то спросил:

– Бабуль, и всё это ты прочитала?

– Нет, дорогой. Не успею, наверное, прочитать всё, что хотелось бы. Жалко! Сколько богатства мимо проплывёт.

– Какого богатства? – не понял Митя.

– А вот этого, – бабушка указала на книги, теснящиеся на полках, и достала одну из них, очень ветхую, в плотной обложке. На первой странице была нарисована сказочная птица, летящая среди белоснежных облаков к солнцу. Под ней, внизу, плыла земля, с деревьями и морями, полями и садами, крохотными фигурками людей, пашущих землю.

Ниже виднелись красивые буквы.

– Что это, бабуль? Что здесь написано?

– Это буквицы, – женщина осторожно, будто освобождая от невидимой пыли страницу, провела по ней ладонью.

– Буквицы!

Мите очень понравилось новое слово. Как-то очень ласково, нежно звучало оно, будто бабушка хотела приласкать им непонятные значки.

Мальчику было семь лет. Он собирался идти в первый класс, умел читать. Не очень хорошо, но зато с любовью. Он вообще любил книги – держать их в руках, рассматривать картинки, ощущать запах типографской краски. Вот и сейчас ему не терпелось поскорее полистать страницы. Что там? Какие тайны они хранят?

– Бабушка, а буквицы – это ведь буквы, да? Это по-старинному – буквицы?

Внук обвел пальчиком знакомые очертания. Они были красного цвета, в блестящих замысловатых узорах.

– Буква «А». Какая она красивая!

– Не «А», а «Азь», – поправила бабушка. – Так раньше называлась первая буква алфавита. А вот эта, – она указала на следующую красивую букву, которую Митя уже хотел было назвать буквой «Б», – эта называлась «Буки».

– Бу-ки, – по слогам повторил внук.

– Буки – значит буквы. А это – «Веди», – показала она на третью буквицу, смотревшую на мальчика с обложки

странной книги.

– Вед-и-и, – повторил Митя. – Вед-И-И, – прочитал еще раз с ударением на втором слоге.

– Нет, «вЕди» – это познание. Ведать – значит знать, обладать мудростью. Ведуньями называли стариц, которые хранили знания о том, как лечить людей от болезней, какими травками да отварами, какими словами да наговорами облегчить их страдания, а то и спасти от смерти лютой. Ведали прошлое, настоящее, предсказывали будущее. Они хранили мудрость, накопленную веками.

Митя слушал бабушку, открыв рот, а она продолжала.

– Ведаешь ли ты, что сейчас я открываю тебе тайну нашего языка? В каждой букве славянской азбуки зашифровано послание людям. Как жить, какими быть.

– Азь, буки, веди, – произнес мальчик.

– Я знаю буквы. Я ведаю буквы, – вот что ты сейчас сказал.

Бабушка улыбнулась и погладила внука по мягкому ёжику волос.

– Но ведь ты же сказала, что первая буква «Азь», а не «Я»?

– Правильно, первая буква славянской азбуки – «Азь».

А по-старославянски «Азь» – это «Я».

– Ничего не понимаю, – Митя в недоумении развёл руками, а бабушка, указав на обложку книги, спросила:

– Вот посмотри, что здесь нарисовано?

– Солнце, облака, птица, деревья, – нараспев начал перечислять внук.

– Правильно. А всё вместе – это наша Земля, наш мир. Он был всегда, даже когда ты ещё не родился. Правда, тогда этот мир был другим, без моего внука Мити. А вместе с тобой родился твой мир. И для нас с дедушкой, и для твоих мамы и папы мир тоже стал другим, потому что в нём появился ты. Хочешь, чтобы этот мир был добрым?

– Конечно, хочу!

– Вот ты и будешь расти, делать его добрым, справедливым. Правда?

– А как?

– Ну, не знаю. Станешь врачом, или учёным, или просто хорошим человеком. Ведь чем больше хороших людей, тем мир лучше.

– Азь, – произнес задумчиво мальчик. – Бабушка, а что, все буквы в этой старой азбуке как слова?

– Да, Митя. Каждая буква соответствует какому-то слову. А в каждом слове – свой смысл, своё значение. Вот буква «Глаголь» – «говори», а следующая – «Добро». Всё вместе сложим и получится: «Говори и делай добро».

– Почему делай? Ведь ты же сказала, что «Глаголь» – это говори.

– Действительно, «Глаголь» – это «говори», или «молви». Вслушайся только: «глаголь», «молви»! Сколько красоты в этих словах! Сколько силы потаённой, мудрости! Отцы учили своих сыновей попусту не молвить, слов на ветер не бросать. Сказал – сделай! Не сможешь сделать – лучше

промолчи. Ведь наделены слова силой великой: от недуга уберечь, примирить, а то и навек врагами сделать могут. Боялись люди дурного слова: беду оно несло, а доброе ценили. Вот и учила Азбука: «Глаголь добро».

– Добро, – опять повторил мальчик. – А дальше? Расскажи про другие буквы!

– Другие буквы тоже непростые. Я обязательно расскажу тебе о них, но не сейчас. Хорошо?

Внук вздохнул. Знал, что лучше бабушку не уговаривать. Раз она сказала, так и будет. А он привык слушаться.

Митя начал листать книгу. На первой странице красовалась первая буква – «Азь». Теперь он знал её. Азь – это начало его жизни.

Мальчик повторял: «Аз, буки, веди, добро, глаголь». Слова были такими добрыми, ласковыми, и почему-то казались круглыми, как земной шар, как цветок ромашки, как солнце, которое улыбалось с обложки чудной книги.

Ему не терпелось, чтобы поскорее наступил следующий день, когда он узнает о новых буквицах. А пока – взял альбом, карандаши и начал выводить привычные очертания букв. Он теперь знал их секрет. Знал, что первая буква не аист, не арбуз и не антенна на крыше дома, которые обычно рисуют в азбуке. Это то, с чего начинается его мир.

И мальчику вдруг очень захотелось нарисовать этот мир. Сначала он нарисовал дом. Только находился тот не среди машин, заполнивших весь двор, а среди больших зелёных

деревьев. На каждом дереве нарисовал птичьи гнёзда с маленькими птенчиками. Их родители летали в белых облаках рядом с солнышком. А внизу, под деревьями, стояли скамеечки, на которых сидели добрые улыбающиеся старушки. Среди них была и Митина бабушка. Чуть поодаль, за деревьями, росло много красивых цветов. Над ними летали причудливые бабочки и... дети. Да, Мите очень хотелось, чтобы дети могли летать, как бабочки или птицы. Хотя бы до тех пор, пока не подрастут.

Он рисовал свой мир. В нём не было ни серых, ни чёрных красок, потому что наполнен он был светом. А как же иначе? Ведь люди приходят в мир, чтобы сделать его счастливым и добрым.

Благодать

– Благодать—то какая, Господи! Митяша, погляди, какая благодать!

Митя с бабушкой сидели на берегу реки. Был жаркий летний день. Воздух, напитанный запахом цветов, трав, липового цвета, обволакивал и опьянял своей сладостью, терпкостью. От реки веяло приятной прохладой. Солнечные блики, отражаясь в воде, напоминали серебряных мальков, а вся поверхность реки казалась колыбелью, готовой принять и успокоить, освежить, подарить несказанное удовольствие.

Берега у реки песчаные. Жёлтый сыпучий песок прогревается так, что можно обжечь пятки. Но как приятно, вволю наплескавшись и слегка озябнув, зарыться в горячий жёлтый песочек и даже немного вздремнуть, разомлеть на солнышке, а потом – опять в речку. Вода – парное молоко. Митя бы плескался и плескался, но бабушка не разрешает. Бойтся, как бы внук не заболел.

– Бабушка, а что значит – «благо дать». Дать – понятно, а благо?

– «Благо» – это «хорошо». Посмотри, какой сотворил Господь нашу землю. Всё на ней разумно и красиво. Всё благостно. И речка наша, и цветы, и деревья, и лето, и песочек вот этот хороший. Всё для человека, чтобы он жил и радовался. А человек должен за это Бога благодарить.

– Да, бабуль, понимаю. Благо – это хорошо. Значит, мы должны дарить тоже что-то хорошее? А что?

– Ну, – бабушка задумалась. – Себя. Свои добрые дела, умные мысли. Вот тебе родители что пообещали подарить на день рождения, если ты будешь хорошо себя вести и хорошо учиться?

– Планшет или собаку. – Митя невольно вздохнул. – Конечно, больше хочется собаку, но и планшет тоже.

– Видишь! А нам Бог целый мир, всю планету подарил и попросил только одно: чтобы мы жили дружно, радостно и добро, чтобы берегли то, что получили в подарок.

Митя на некоторое время замолчал. Он о чем-то сосредоточенно думал.

Ласковая вода плескалась у его ног, будто подтверждая бабушкины слова. Вокруг резвились дети, млели на солнышке взрослые, и, кажется, даже собака, лениво развалившаяся под развесистыми ивами, понимала, что всё вокруг – несказанная благодать.

Домой возвращались через дубовую рощу. Высокие деревья с могучими стволами стояли, будто сказочные великаны. Легкий ветерок играл их листьями. Казалось: исполины разговаривают между собой. Густые кроны, образующие тень, создавали приятную прохладу.

Митя остановился у высокого дерева и, подняв голову, посмотрел сквозь густую листву на небо. Солнечные лучи

пронизывали зелень и рассеивались, приобретая изумрудный оттенок, делая всё вокруг таинственным, зыбким. Так хорошо было в этом дубовом царстве, так спокойно.

– Бабуль, благодать, да? – мальчик подбежал к очередному дереву, обнял его и прислонился щекой к грубой шершавой коре.

– Благодать, – согласилась бабушка. Она поняла, о чем внук так сосредоточенно думал всю дорогу.

За дубовой рощей начинались поля, заросшие подсолнухами, горохом и клевером. Над этой красотой летали бабочки, пчёлы, жучки и мотыльки. У них были свои дела, свои заботы.

– Ба, а для жуков и бабочек это, – Митя указал рукой на поле, – тоже благодать? Им же хорошо здесь?

– Конечно, всем тварям Божьим на земле благодать.

Бабушка остановилась рядом с кустом дикой смородины. От пропитанной солнцем ягоды исходил аромат.

– Вот и ещё благодать. Гляди, какая смородина крупная уродилась. Давай-ка соберем немного для вареников.

Мальчик с готовностью свернул с тропинки.

Вечером они всей семьёй сидели в маленькой круглой беседке, ели вареники, пили чай, а с неба, шатром раскинувшегося над землей, на них смотрели яркие звёзды. Пахло цветами, в траве звенели кузнечики, на озере распевали лягушки, и было так хорошо, так спокойно, уютно в этом вечере,

что Митя, хитро взглянув на бабушку, произнёс:

– Благода..а..ть!

Дедушка удивлённо поднял брови:

– Что за секреты?

А бабушка ласково посмотрела на внука и улыбнулась.

Вера

В Митиной семье пополнение. О том, что скоро это должно случиться, мама и папа рассказали давно, ещё осенью. С тех пор мальчик с нетерпением ждал, когда же братик или сестрёнка появятся в доме. И вот этот день наступил.

Митя навсегда запомнил, как в больничный вестибюль к ним вышли мама и медсестра, несущая свёрток, перетянутый голубой лентой. Этим свёртком и был его братик. Пусть ещё совсем маленький, ничего пока не понимающий, но родной человечек, очень похожий, как сказали мама и папа, на него, когда он был таким же.

Когда приехали домой, Митя ни на шаг не отходил от Виталика, разглядывал маленькое сморщенное личико, трогал крохотные пальчики.

Поначалу братишка все время спал. Просыпался, чтобы его покормили и перепеленали, а потом вновь засыпал. При этом очень забавно улыбался во сне.

– Это ангелочки летают, крылышками машут, вот он и улыбается, – говорила мама. – Они берегут его.

Митя верил маме, но, как ни пытался, ангелочков разглядеть не мог.

Прошёл год. Виталик начал ходить, произносить первые слова. Митя даже в футбол пытался играть с ним, но вдруг братишка сильно заболел. В доме стал часто появляться

врач. Мама не спала ночами, выглядела озабоченной и уставшей. По вечерам они с папой о чём-то тревожно переговаривались, замолкая каждый раз, когда Митя подходил к ним. Видимо, не хотели, чтобы их тревога передалась сыну, но он чувствовал и понимал: Виталику очень плохо.

Мальчику было жалко братика. Так хотелось помочь ему.

Однажды вечером Митя долго не мог уснуть и придумывал новые приключения для девочки Элли и её друзей, отправившихся на поиски волшебника Изумрудного города. О них каждый вечер перед сном читал ему папа. Мите всегда хотелось, чтобы он читал подольше. Ему казалось, что тот прерывает чтение на самом интересном. Но папа был неумолим. Он говорил, что мужчины должны учиться не идти на поводу у своих слабостей, воспитывать силу воли. Вот Митя и воспитывал. Но если уж читать нельзя было дальше, то фантазировать ему никто не мог запретить, тем более к воспитанию воли это, по мнению мальчика, не относилось.

В этот вечер он придумал историю о том, как попадает в волшебную страну, встречает Элли с Тотошкой, Железного Дровосека, Страшилу, просит, чтобы те взяли его с собой в Изумрудный город. Ведь ему надо попросить доброго волшебника, чтобы тот спас братика.

Мальчик представлял себе, как весело идёт по зеленому полю вместе со своими новыми друзьями. Поле необыкновенное, сказочное, заросшее высокой травой. Путников в ней даже не видно. Над красивыми цветами летают неве-

роятно большого размера бабочки, похожие на птиц. Бабочки взмахивают крыльями и издают еле уловимый шорох...

Шорох! Митя вдруг понял: его издают не крылья бабочек, а что-то другое. Прислушался.

– Наверное, мама опять не спит, – подумал мальчик и вдруг сквозь неплотно прикрытую дверь своей комнаты увидел, как в кухне мелькнул таинственный свет. Это не было похоже на свет от электрической лампочки. Мите стало интересно. Он быстренько выскочил из своей постели, на цыпочках прокрался к кухонной двери и увидел маму.

Она стояла перед иконками, подаренными бабушкой Настей, и что-то шептала. Две мерцающие свечи распространяли мягкий свет, создавая таинственную обстановку. Митя вспомнил, как каждый вечер и каждое утро его прабабушка вот так же стояла перед иконками. На Митин вопрос, что она делает, отвечала: молится, просит у Бога и Богородицы здоровья и счастья ему, Мите, всей их большой семье и всем людям. Правда, бабушка зажигала не свечи. Возле её икон всегда теплилась лампадка. Так называлась маленькая чашечка, подвешенная на длинных цепочках. В неё время от времени подливали маслице, и огонёк почти никогда не гас.

Митя очень любил находиться по вечерам в комнате, освещённой только этим чудесным светом, смотреть на бабушку, слушать её молитвы. А вот мама никогда не молилась раньше, и иконки лежали всегда в тумбочке с документами, а не висели на стене. Мальчик иногда задумывался, почему

только бабушка просит у иконок счастья и здоровья им всем. Ведь если бы они просили этого все вместе, то, может, их лучше слышали бы те, к кому обращались молитвы. Потом решил, что, видимо, так положено, чтобы молились именно бабушки. У других старушек в деревне тоже на стенах висели иконки и горели под ними лампадки, а в домах друзей и соседей здесь, в городе, он ничего подобного не видел.

Митя тихонечко лёг в постель, подождал, пока мама уйдёт в свою комнату, и пробрался на кухню. Иконки стояли на столе. Мягкий мерцающий отблеск догорающей свечи таинственно обволакивал их. С одной из иконок на ребёнка внимательно смотрела женщина, держащая на руках мальчика, похожего на Виталика. Бабушка Настя называла ее Богородицей. Митя опустился на колени и жалобным голосочком произнёс:

– Тётенька Богородица, пожалуйста, помоги выздороветь моему братику.

Он не знал, что ещё сказать, поэтому подумал немного и добавил:

– А ещё, пусть Виталька быстрее вырастет, чтобы мы с ним в футбол играли.

Женщина продолжала смотреть так же внимательно, но Мите показалось, что она улыбнулась ему, и взгляд её стал мягче, добрее.

– Ну, пожалуйста, – прошептал он и вдруг расплакался. Слезы катились по щекам, но на душе становилось легче

и спокойнее.

Мальчик подошёл к иконке и поцеловал младенца и женщину.

...Утром его разбудила улыбающаяся мама.

– Виталька выздоровел, да, мам?

– Да, сынок, ему стало лучше. Врач пообещал, что теперь он на поправку пойдёт. Видимо, помогли те дорогие лекарства, которые папа вчера принёс.

– Нет, это не лекарства! Это я тётеньку Богородицу попросил, вот он и выздоровел.

Мама улыбнулась.

– А она что, волшебница?

– Нет, сынок. Она не волшебница. Но, наверное, действительно, по твоей просьбе чудо свершилось. Ведь ты верил, что Виталик поправится?

– Конечно, верил.

– И мы все верили: и я, и папа, и бабушка с дедушкой. А если во что-то веришь, это обязательно сбудется.

Теперь Митя тоже знал, что значит верить. Но это был пока его секрет.

Грех

– Грех-то какой, – ворчала бабушка, выгоняя из огорода Петьку.

Петька – совсем молоденький поросёнок. Мите жалко стало его, сидящего целыми днями взаперти, вот он и открыл дверь загона. Одуревший от подвалившего счастья хрюшка начал носиться по всему двору с диким визгом, как будто его сейчас поймают и пустят на холодец. Лениво развалившиеся на солнышке коты встрепенулись, насторожили уши и, подняв трубой хвосты, с дикими воплями бросились врассыпную, подальше от носившейся по двору страсти. Собака Найда, выскочив из конуры, принялась неистово лаять и греметь цепью.

Такой переполох поднялся, что бабушка, прилёгшая было вздремнуть после обеда, испугалась, не случилось ли чего с внуком, и выбежала во двор.

А во дворе она увидела Петьку, роющего землю прямо в аккуратной грядке с клубникой.

Ещё не понимая, что случилось и почему животное оказалась во дворе, схватила метлу, первое, что попало под руку, и попыталась загнать Петрушу восвояси, но не тут-то было. Поросёнок с такой прытью начал убежать, да всё по грядкам, по грядкам, что Мите пришлось прийти на помощь. Вдвоём они кое-как справились с хулиганом.

– Грех-то какой, – не переставала повторять бабушка, вытирая со лба пот косынкой. – Как он умудрился выбраться из загона?

Мите пришлось признаться, что это его рук дело.

– Удумал тоже, спасатель. Всех ему жалко. А бабушку не жалко? Вон, все грядки порушил. Сколько морковки да клубники испортил. Ох, грех какой!

– Бабуль, что ты заладила, грех да грех. Что такое грех?

Бабушка нацедила из колонки в кружку воды, присела на скамеечку, вздохнула.

– Ох, умаялась, сердце до сих пор колотится, не успокоится никак. Вот это и грех. Хорошее ты сделал дело или плохое?

Митя молчал. Он понимал, что хорошего в сделанном мало, но признаваться в этом не хотелось.

– Ну я же хотел, как лучше, – пробубнил он. – Мне Петьку жалко стало. Он так смотрел на меня жалобно, вот я и решил: пусть немного погуляет.

– Вот и погулял, – постепенно успокаиваясь, произнесла бабушка. А грех – это...

Она немного подумала, но ничего лучшего, чем повторить: «Грех – это грех», – не смогла.

– Всё равно не понимаю, – Митя присел рядом на траву. – Какое-то слово... Как гром, гроза, град.

– И правда, – отозвалась бабушка, – как-то опасно, тяжело звучит это гр... ничего хорошего не сулит. Вот весной про-

шла гроза с громом и градом, всю рассаду побило. Хорошо, что успела другую посадить.

– А я не люблю, когда гр... омко разговаривают, кричат, – подхватил Митя. – А еще не люблю, когда ты гр..устная, и сам не люблю гр..устить.

– А я не люблю гр..язнунь. Бабушка вынула из кармана маленькое зеркальце и подала внуку.

Мальчик посмотрел на себя и рассмеялся.

– Я как Петька – поросёнок, хрю – хрю, – запрыгал он вокруг бабушки. – Ба, значит грех – это что-то плохое?

– Да уж, грех – это очень плохо. Человек не должен совершать плохие поступки, от которых пострадает кто-то другой или он сам. И должен понимать, что хорошо, а что плохо. А если уж согрешил, совершил дурное что-то, умей покаяться, попросить прощения. Это очень важно, Митюшка, – голос бабушки стал серьёзным.

– Понимаешь, в жизни всякое бывает, но надо научиться признавать свои ошибки и просить за них прощения. Понял, озорник?

– Бабуль, прости меня и Петьку. Мы больше так не будем. Давай я тебе помогу порядок навести.

Митя с бабушкой принялись за работу. За ними внимательно наблюдали Найда, залезшая вновь в свою будку, вернувшиеся на своё любимое место коты и Петька, который недовольно хрюкал и ждал, что его опять кто-нибудь пожалеет.

Доброта

Митя забежал в дом и сразу к бабушке:

– О – ёй – ёй, бабуль, рукам больно!

– Что случилось? – женщина оторвалась от своих дел и поспешила к внуку.

Руки у мальчика были красные, пальчики не гнулись.

– Ты что ж это, без варежек гулял?

– Да не, бабуль. Я просто варежки свои Серёже отдал. У него руки замерзли, а варежек нет.

– Эх, добрая ты моя душа. Ладно, отдал и отдал. Только надо было прибежать домой и другие взять. Отморозишь руки, будешь знать. Ну-ка, засовывай пальцы мне в волосы – это лучшее средство, чтобы их согреть.

Ручонки внука утонули в седых волосах.

– Бабуль, а у Серёжи и шарфа нет. Давай я ему подарю свой, ты мне ещё свяжешь.

– Нет, свой отдавать не надо. У нас есть дедушкин, совсем новый, вот его и подарим твоему Серёже.

Бабушка взяла пальчики внука в свои ладони, потёрла их, разогревая. И только она хотела расспросить его о новом друге, как вдруг в дверь позвонили. Митя метнулся в прихожую, бабушка за ним. На пороге стоял Серёжа. О том, что это именно он, можно было догадаться по Митиным варежкам и голой тонкой шее, лишённой теплого шарфа. Серёжа

держал в руках серенького тощего котёнка. Тот испуганно тарасил глаза и слабо попискивал.

– Вот. Он голодный. Надо покормить, – деловито заявил мальчуган. – Я его на улице нашёл. Кто-то выбросил. Меня мамка с ним домой не пустила. Покормите?

Мальчик вопросительно смотрел на Митину бабушку.

– Митька сказал: вы добрая.

Та только всплеснула руками.

– Что ж, заходи, спасатель.

Но Серёжа не решался зайти и топтался у порога, прижимая к себе найдёныша.

– Заходи, заходи. Раз уж пришёл, не стесняйся.

Мальчик зашёл в квартиру.

– Дай-ка мне этого зверя, – бабушка протянула руку и осторожно высвободила коготки котенка, вцепившиеся в старенькую грязную курточку парнишки.

– Пойдёмте в кухню, посмотрим, чем сможем накормить это чудо.

Все вместе они прошли в комнату.

В холодильнике нашлось молоко. Митя налил его в блюдце, а в капроновую крышечку бабушка разбила яйцо. Сережа, который, раздевшись, опять забрал котёнка себе, опустил его рядом с тарелочкой и ткнул носиком в блюдце.

– Ешь!

Но тот сидел рядом с тарелкой, смотрел на людей, окруживших его, и жалобно пищал.

– Всё, давайте за стол, ребята, не будем ему мешать, он сейчас немного освоится и покушает сам.

Серёжа сначала стеснялся, но потом с жадностью съел и суп, и котлету с макаронами. Котёнок тоже покушал и теперь потешно облизывался.

– Вы не выгоните его, да? – Сергей вопросительно посмотрел на бабушку.

– Ну куда же его такого маленького выгонишь? Пусть живёт. Только вот к ветеринару надо будет свозить.

Бабушка начала мыть посуду, а мальчики смотрели на найдёныша. Животик у того раздулся, и он стал похож на маленький пушистый комочек. Комочек подкатился к Серёже и потерся о его ногу, а потом, зацепившись коготками за штаны, вскарабкался на мальчика.

– Это он тебя так благодарит за твою доброту, – сказала бабушка, – ты же его спаситель.

Мальчик погладил котёнка, а потом вдруг совсем повзрослому произнёс:

– Я не хочу быть добрым.

– Почему? – пожилая женщина удивлённо смотрела на вдруг посерьёзневшего паренька.

– Потому что, если добрый, всех жалко, – серьёзно сказал Серёжа. – А мне всех жалко. И котят, и собак бездомных, и маму. Если бы я был большим и сильным, то сделал бы так, чтобы всем было хорошо. Поскорее бы вырасти! А пока не вырасту, добрым быть не хочу.

Бабушка с жалостью посмотрела на мальчика.

– Без доброты нельзя, дорогой мой. Доброта, она человека человеком делает. Это хорошо, что у тебя сердце отзывчивое. Значит, хороший человек из тебя вырастет.

Она подошла к Серёже и погладила его по плечу. Ей тоже было жалко этого маленького человечка, который сам нуждался в помощи, но думал о других.

– Дай Бог, чтобы тебе в жизни встретилось больше добрых людей, – подумала она и пошла доставать из шкафа тёплый шарф, который только сегодня закончила вязать для Митино-го дедушки.

Единство

– Ж-ж-ж...!

Пчела летала над Митиным лицом и, видимо, искала место, куда бы ей приземлиться: на нос, щёку или губу. Мальчик лежал на траве, боясь пошевелиться.

– Ж-ж-ж...!

Пчела сделала еще один круг и уселась на цветок мышиного горошка. Устроилась поудобнее, сложила крылышки, опустила хоботок в серединку цветка и начала пить нектар.

Митя следил за каждым движением медоносицы. Вот она оторвалась от цветка, потрясла лапками, секунду помедли-

ла и взлетела. Описав круг, уселась на соседнюю ромашку, вновь опустила свой хоботок в середину цветка.

Пчела работала. Она пила нектар, чтобы потом получить из него мёд.

Когда пчёлка насытилась, то, с трудом поднявшись, расправила крылья и полетела туда, где её ждали другие пчёлы. Мальчишка помахал ей вслед и вдруг почувствовал, что кто-то ползёт по его руке. Он осторожно приподнялся и увидел божью коровку, деловито снующую по запястью.

– Куда ты путь держишь, небесное создание?

А божья коровка подняла красные в чёрную крапинку надкрылья, расправила прозрачные серебристые крылышки, искоркой блеснувшие под лучом солнца, и, даже не взглянув на маленького человека, чья рука послужила ей взлётной площадкой, улетела. Тоже, видимо, по каким-то делам.

Над цветами кружили бабочки-капустницы: белые и жёлтые, маленькие и большие. Они перепархивали с цветка на цветок, с травинки на травинку, будто играя друг с другом. Но, видимо, в этом порхании тоже был какой-то смысл.

Мите надоело лежать, и он поднялся с травы. Прямо перед ним, на тропинке, сидела лягушка, маленькая, с розовым брюшком и чёрными крапинками на спине. Мальчик хотел было взять её в руки, но она прыгнула в траву, а на её месте появился муравьишка, пытавшийся утащить веточку, в несколько раз большую, чем он сам.

Видимо, ему было очень тяжело, потому что он вынужден

был постоянно останавливаться и пристраиваться то с одной, то с другой стороны к своей ноше. При этом его лапки забавно шевелились.

Через некоторое время к трудяге подбежали два его товарища. Втроём они схватили веточку и потащили её вместе. Мальчик последовал за ними. По дороге к этим муравьям присоединялись другие. Казалось, они о чём-то переговариваются друг с другом. Почти у каждого была своя ноша. Остальные или помогали другим, или спешили по своим делам. Все были чем-то заняты.

Митя с интересом наблюдал за открывающимся перед ним миром. Иногда ему казалось, что муравьи ссорятся. Не приходя к согласию, куда тащить веточку, начинают её друг у друга отнимать. Но всё же они продвигались вперёд.

Вот показался муравейник. Навстречу сородичам поспешило всё семейство. Дружно подхватив груз, насекомые быстро втащили веточку на вершину своей крепости. Так же быстро груз исчез внутри сооружения. Вокруг множества норок и ходов сновали неутомимые труженики. Митя постоял еще какое-то время у муравейника, пытаясь угадать в копошащейся массе своего знакомого, но не смог. Ему показалось, что он мешает этим удивительным существам, пугает их, поэтому поспешил вернуться на своё место в траве.

Над ним синело огромное небо, по которому плыли белые причудливые облака.

Одно из них очень напоминало человеческое лицо. Ес-

ли это было лицо, то оно принадлежало великану – таким огромным казалось облако. Вот глаза, нос, уши, борода...

Мальчик вдруг подумал, что, может быть, этот великан смотрит на землю, видит его, Митю, бабушку, которая трудится в огороде, других людей.

– Наверное, – думал он, – мы здесь, на земле, похожи на муравьёв. Вот так же, как я следил за муравьями, так этот великан следит и за мной, и за бабушкой, и вообще за всеми людьми. Для него муравьи, пчёлы, человек – одинаковые существа, живущие на земле. И он, наверное, думает, почему все что-то делают, а я на траве валяюсь.

Мальчик быстренько вскочил на ноги и побежал помогать бабушке.

А вечером он смотрел на звёздное небо и думал о том, что земля и небо тоже едины, что всё – всё в мире связано между собой, и поэтому всем надо жить дружно и жалеть друг друга. С этими мыслями он и уснул.

Жалость

Сегодня Мите нездоровится. Болит горло. Бабушка с самого утра заставляет его пить горячее молоко, полоскать горло горьким отваром, без конца измеряет температуру, а самое неприятное – не разрешает вставать с постели. Скуко-тища.

– Бабуль, ты новую сказку обещала, помнишь?

– Помню, помню. Вот только носки с горчицей наденем тебе на ноги, тогда, так и быть, расскажу новую сказку.

Митя очень не любил носки с горчицей. Ногам становилось жарко, а ему не только не разрешали выставлять их из-под одеяла, но и укутывали еще сильнее.

– Надо пропотеть, тогда вся хворь с потом-то и выйдет, – приговаривала бабушка.

Здесь не посопротивляешься. Тем более что бабушка во время этой процедуры не уходила, а усаживалась рядом в своё любимое кресло, следила, чтобы Митя не раскрывался, и рассказывала сказки или истории, которые придумывала сама.

– Ну что, готов слушать сказку?

– А про что? Как она называется? – прохрипел Митя.

– Как называется, пока ещё не знаю. Может быть, «Жалость».

– Жалость? – переспросил Митя. – Почему жалость?

– А вот слушай.

И бабушка, удобно устроившись в кресле, начала свой рассказ.

– В одной семье родились две девочки. Одну из них родители назвали Жалость, а другую – Жестокость. Имена эти никого не удивили, потому что не имели того значения, которое приобрели в наши дни.

Сёстры были совсем крохотными, когда в доме их родителей появилась старушка по имени Мрачность, умевшая предсказывать будущее. Она всегда была угрюма и недоброжелательна, поэтому, подойдя к кровати, в которой спали сестрёнки, предрекла, что девочка с именем Жалость будет очень доброй, но от чрезмерной доброты и сострадания к чужим бедам сердце её быстро истончится, износится, и она умрёт еще молодой. А вот вторую, Жестокость, не будут волновать и трогать беды других людей, поэтому сердце ее будет крепким и здоровым, вот только счастливой ей не бывать.

Услышав столь мрачное пророчество, родители расстроились, но весть о роковом предсказании дошла до другой старушки, жившей в соседнем селении. Это была предсказательница по имени Светлость. Она постаралась успокоить родителей и предрекла, что всё можно будет поправить при двух условиях. Первое из них – чтобы о Жалости и её доброте не забыли те, кому она поможет. А второе – чтобы Жестокость хотя бы раз кого-то пожалела.

Шло время. Девочки росли. Всё было так, как предсказала

Мрачность.

Жалость была очень доброй. Все силы своей души отдавала обездоленным и нуждающимся в сочувствии, помощи. Сердце её постоянно сжималось от сострадания, болело за всех и становилось всё слабее. Но она была счастлива, когда видела, что сумела помочь ещё одной страждущей душе.

А вторая сестра, Жестокость, ни за кого не переживала, жила в своё удовольствие. Не жалела даже собственных родителей, которые очень рано один за другим ушли из жизни.

Сердце Жестокости было крепкое и здоровое. Вот только счастья эта сестра не знала. Всё время была чем-то недовольна.

Так и жили сёстры. Несмотря на то что были очень разными, жили дружно. Ведь Жалость не умела ссориться. Она никогда не обижалась на сестру, любила её, во всём уступала. Жестокость же принимала такое отношение к себе как должное и любила только себя.

А сердце Жалости слабело. Однажды она не смогла подняться утром с постели. Сестра время от времени подходила и спрашивала, не надо ли той чего. Делала это не из сочувствия, а потому, что так было положено.

Однажды в открытое окно их комнаты залетел голубь, опустился на подоконник и стал ворковать на своём голубином языке. Жалость узнала его. Нынешней зимой она спасла несчастного от голодной смерти. Его клюв злые мальчишки обмотали нитками, и он не мог не пить, не есть. Уже умира-

ющего, его подобрала Жалость. Сейчас он сидел на подоконнике и, казалось, хотел что-то сказать.

Девушка слабо улыбнулась, как бы извиняясь, что уже ничем не сможет помочь, и попросила сестру насыпать на окошко хлебных крошек.

– Опять жалеешь? Хочешь, чтобы твоё сердце прямо сейчас остановилось? Ничего с этой птицей не случится, найдёт что поклевать на улице, – проворчала та, но просьбу все же выполнила.

И случилось чудо. Жалость вдруг почувствовала небольшое облегчение. А у Жестокости, смотревшей на подбирающего крошки голубя, как-то странно блеснули глаза.

Когда Жестокость в следующий раз заглянула к сестре, то в тот же момент на окошко приземлились синички. Их тоже лютой зимой спасла Жалость. И опять больная попросила Жестокость о милости.

– Покорми и их, сестра, пожалуйста. Они, возможно, голодны. Дай им немного льняного семени.

Не хотела и их кормить бессердечная девушка, но подумала, что сестра скоро умрет, почему бы не выполнить её последнюю просьбу.

Когда она кормила птичек, то заметила среди них одну слабенькую, без лапки. Ей не досталось зёрен: их едва хватило здоровым птицам. Бедняжка раскачивалась на одной тоненькой ножке и открывала клювик, будто пыталась сказать: «Ну оставьте мне хоть одно зёрнышко». В её малень-

ком тельце сердечко билось так сильно, что пёрышки в этом месте слегка подрагивали. Тут что-то произошло с сердцем Жестокости. Она принесла горсть зёрен и высыпала перед бедной птичкой. Та, склевав зерно, не улетела вслед за подругами, а, взмахнув крылышками, взлетела на створку окна и запела чудесную песню. Ту самую, которой после долгой зимы её подруги-синички встречают солнышко и весну. Она будто благодарила девушку, а может, так отдавала кусочек своего сердца той, которая спасла её зимой от лютой гибели. И случилось ещё одно чудо. На щеках больной сестры появился румянец. Она улыбнулась. А Жестокость вдруг почувствовала, что там, где находится сердце, у неё что-то шевельнулось.

– Нет, хватит с меня благотворительности, – подумала она. Сестре уже не помочь. А мне её проблемы совсем не нужны.

Но только она об этом подумала, как за окном послышался какой-то шум. Девушка выглянула в окно и увидела старушку, грязную, тощую. Так обычно выглядят бездомные, ночующие где попало люди. Рядом со старухой вертели хвостами и заливисто лаяли такие же тощие и грязные собаки.

– Убирайся отсюда вместе со своими собаками, – выглянув из окна, замахала руками на непрошенных гостей девушка. – Немедленно убирайся!

– Да, да, мы сейчас уйдем, но сначала дай мне, пожалуйста, хотя бы кусочек хлебушка.

Еще вчера Жестокость ни за что не откликнулась бы на просьбу старухи, но сейчас достала засохшие куски, которые сама уже не стала бы есть. и подошла к с окну. Старушка, склонившись над одной из собак, гладила её, что-то ласково говорила, словно успокаивала. Девушка пригляделась. Лапы бедного животного были очень распухшими, кровоточили. В какой-то момент собака повернула морду в сторону девушки, и та увидела в глазах её то, чего раньше никогда не замечала. Она увидела в них страдание и тоску. Впервые душа Жестокости затрепетала. Она начала лихорадочно засовывать в холщовый мешок всё, что попадалось под руку: хлеб, яблоки, другие продукты. Сердце её при этом так сильно билось, что, казалось, готово было выскочить наружу и бежать впереди своей хозяйки к той бедной собаке, глаза которой молили о помощи. Наполнив мешок, она заглянула в комнату сестры и остановилась в недоумении. Сестры не было.

– Как? Та ведь уже не вставала с постели несколько дней.

Вдруг со двора послышались смех и голоса. Выглянув в окно, девушка не поверила своим глазам. Сестра стояла рядом со старушкой, о чём-то оживлённо разговаривала с ней, а собаки, весело виляя хвостами, пытались лизнуть её в нос, в лицо, как старую знакомую.

Ты хочешь знать, чем закончилась эта почти сказочная история? А закончилась она очень хорошо. Сестры пригласили старушку в дом, накормили, обогрели и оставили жить у се-

бя. У них не было бабушек, а вот теперь, как подарок судьбы, у них она появилась. Собаки нашли себе приют во дворе. Только ту, с больными лапками, сёстры взяли в дом. Она ведь была самой слабой и нуждалась в помощи. Жалость по-прежнему всем помогала и всех жалела, но сердце её не изнашивалось так сильно, как раньше. Ведь боль за других и жалость ко всем сестры теперь делили на двоих.

В их доме поселилась радость, которую раньше отпугивала Жестокость. Так радостно видеть тех, кому ты помог, с кем ты поделился своей добротой. И Жестокость стала Радостью. А вместе с радостью в дом пришло счастье, потому что там, где радость, там и счастье.

Но... почему эта история почти сказочная? Потому что сказочного и волшебного в ней и нет-то ничего.

Есть в нашем мире и жалость, и жестокость, и безжалостность. Каким быть, каждый выбирает сам. Что выберешь, то и будет с тобой: радость и счастье или ни того, ни другого. А вот сердце... Оно, действительно, может истончиться, на то оно и сердце. Только счастье и радость снова и снова будут возвращать ему силы. Безжалостность же ничего не истончит, потому что там, где нет жалости, там нет сердца. А если нет сердца, то и болеть нечему. Но тогда счастья с радостью тоже нет. Вот такая история.

Бабушка закончила рассказ и увидела, что внук уже спит. Во сне он чему-то улыбался. Может быть, всё-таки успел услышать, чем закончилась сказка, и радовался за сестёр.

А может быть, ему снилась другая сказка. Добрая и светлая.

Земля

Митя и бабушка с нетерпением ждали осени, когда можно будет отправиться в лес по грибы и ягоды. У них были свои укромные местечки, любимые полянки. Порой целый день проводили среди природы. Брала с собой еду. Долго сидели у костра во время отдыха, слушали лес, наслаждались красотой опушки, на которой обычно устраивали привал. Но вот в прошлом году во время лесных пожаров их любимое местечко пострадало. Всё выгорело: трава, деревья, муравейники. Говорят, кто-то оставил непогашенным костер, а может, возгорание произошло само по себе: мусора-то в лесу много всякого валяется. В сильную жару палящие лучи солнца через любой осколок могут поджечь сухую траву, мох.

В этот раз не лесной пожар, а совсем другая неприятность поджидала Митю и бабушку.

– Бабуль, смотри, что это?

Мальчик стоял рядом с разрушенным муравейником, на поверхности которого чётко отпечатались следы резиновых сапог.

Муравьи сновали вокруг своего разрушенного дома. Было непонятно: хотели они восстановить его или собирали всё необходимое, чтобы уйти от этого страшного места и начать строить новое жилище. Вокруг муравейника валялись пу-

стые пластиковые бутылки, пакеты, клочки бумаги, консервные банки – приметы того, что здесь недавно побывал человек. Он же оставил и ещё один страшный след: израненную рябинку. Деревце росло рядом с муравейником. Оно было ещё молоденьким, но каждую осень, украшенное сочными гроздьями ягод, пурпурной листвой, преображалось. Теперь же ветки свисали, как плети, а раздавленные ягоды напоминали кровь. Мальчику показалось, что рябинка плачет, просит о помощи.

– Бабушка, почему люди бывают злыми?! Неужели они не понимают, что делают?! Зачем всё это?! – голосок ребенка срывался. Ему было непонятно, как можно уничтожить то, что должно жить, радовать собой.

Рядом с муравейником виднелись растоптанные муравьишки, некоторые из которых еще пытались шевелить лапками. Невозможно было смотреть на израненных насекомых, в сердце зарождался гнев по отношению к тем, кто совершил такое зло.

– Пойдем, Митюша, восстановят они свой дом. Природа имеет способность возрождаться. Только бы ей никто в этом не мешал.

Мите уже не хотелось никуда идти, но надо было попасть на заветную полянку. Может быть, на месте выжженной травы зазеленела новая?

Когда же подошли к знакомому месту, с сожалением увидели чёрную выгоревшую землю. Как будто пожар случился

не год назад, а совсем недавно. Даже запах гари, казалось, продолжал висеть в воздухе.

Вдруг на одном не сильно обугленном пенёчке мальчик заметил живые побеги.

– Бабуль, посмотри, ёлочки оживают.

– А я что говорю: природа восстанавливается. Но много лет ещё пройдёт, прежде чем на этом месте вырастут новые деревья. После пожара лес станет таким, каким был, только через 80 – 100 лет. Вот придёшь сюда со своими внуками и расскажешь, как легко уничтожить красоту и как трудно её вернуть.

Митя с надеждой обследовал полянку, но больше нигде не нашел примет возрождающегося леса. Лишь кое-где сквозь золу пыталась пробиться трава. Видимо, в этих местах огонь проник не сильно глубоко в почву.

Мальчик представил, как здесь бушевал огонь, пожирая всё на своём пути.

– А какво зверюшкам было во время пожара? Все ли спаслись? Хорошо птицам, они могут летать, хорошо зверям, у которых быстрые ноги, а муравьи, жуки? Они же не могут быстро передвигаться.

Мальчишка на минуту представил себя муравьём. Маленьким живым существом среди дыма и огня. Куда деваться? Как спастись?

От жалости к тем, кто погиб в лесном пожаре, у него сжалось сердечко.

Долго Митя с бабушкой бродили по лесу, а когда возвращались, порадовались. Муравьи вовсю копошились рядом со своим муравейником. Их было очень много. Наверное, соседи пришли на помощь потерпевшим. Муравьиный курган казался живым от суетящихся коричневых точек. У каждого маленького труженика была какая-то ноша: листочек, веточка, засохший жучок. Погибших насекомых на месте уже не было. Видимо, их похоронили внутри муравейника.

Мальчик и пожилая женщина принялись убирать мусор в ямку, подальше от муравьиного дома.

Возвращались домой повеселевшие: такое доброе дело сделали. Но, когда подошли к речке, настроение опять омрачилось.

На том месте, где они обычно делали последний привал, трое парней мыли машины. Грязные жирные разводы расплывались по поверхности воды. В месте, где в жаркие дни обычно купались ребяташки, плавали куски пенопласта и пластиковые бутылки. На берегу лежала куча мусора. Было видно, что его кто-то привез и сбросил совсем недавно. Старые обои, какие-то заржавленные бачки, трубы. Бабушка только руками всплеснула.

– Что же за люди такие! Что же они делают?! Совсем землю-матушку не жалеют. Ребята, зачем вы речку-то мутите? Других мест нет машины свои вымыть? Здесь же народ отдыхает, дети купаются.

В ответ парни весело рассмеялись. А один, высокий, то-

щий, с серьгой в ухе, повернувшись к пожилой женщине и перебрасывая грязную тряпку из руки в руку, прорычал:

– Бабуля, иди своей дорогой. Внука своего воспитывай.

– Как вам не стыдно, – закричал Митя, – это не ваша речка, она общая!

Мальчик готов был броситься с кулачками на обидчиков, но бабушка поспешила увести его подальше от этого места.

– Не связывайся с ними. Они всё равно ничего не поймут. Говорить можно с теми, кто слышит и понимает. А эти, – она кивнула в сторону парней, – эти навряд ли понимают что-либо.

Дальше шли молча: говорить после всего увиденного не хотелось.

Вечером Митя долго не выходил из своей комнаты, рисовал. Он всегда начинал рисовать, когда его что-то волновало. Бабушка понимала: в такие минуты не надо лезть с расспросами. Пройдёт время, сам всё расскажет. Так случилось и в этот раз. Мальчик вышел из своей комнаты необычайно серьёзным. В руках он держал альбомный лист, на котором был нарисован шар, похожий на глобус. У шара были нос, рот, глаза, из которых капали слёзы. Опущенные уголки губ выражали скорбь и страдание. Вокруг шара-глобуса плыли черные облака, поднимавшиеся к небу из больших труб, а под облаками зеленела трава, пестрели цветы, летали птицы, в муравейнике копошились муравьи, под кустиками сидели зайцы, в реке плавали рыбы.

Шар-земля протягивал ко всему нарисованному руки, будто обнимал своих детей, а внизу была нарисована большая чёрная воронка. Руки шара как бы удерживали всё нарисованное и не давали упасть в воронку ни деревьям, ни цветам, ни животным. А чёрные облака сверху давили и стлкивали всё вниз.

Бабушка внимательно рассматривала рисунок.

– Что же это ты нарисовал такое невесёлое, Митя?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.